

В 1942 году пятнадцатилетняя Зинаида Козляк прямо из колхоза угодила на торфоразработки где-то под Шатурой. Было очень трудно. Целыми днями возили по деревянным мосткам неподъёмные тачки и грузили торф в вагоны. Хотя Зинка была крупной и костистой девушкой, но тяжеленная работа вытягивала из неё все жилы. Спустя некоторое время, она задумала бежать, но когда заикнулась об этом матери, та ударилась в слёзы, – Ой, доча, посодют!

И вправду – время было военное, и запросто могли припать «дезертирство с трудового фронта». Зинка поразмышляла и всё же решила – собрала узелок с бельём, повязала на голову тёплый платок и как была, в фуфайке и кирзовых сапогах, пошла на ближайшую железнодорожную станцию, а это ни много ни мало километров пятнадцать. Пришла к месту посадки, а на платформе все знакомые, местные, тоже работают на торфе – хорошо, что догадалась укрыться в туалете. Когда доехала до Шатуры, и поезд опустел, Зинка выбралась из вагона и пошла вдоль путей, на которых стояли воинские эшелоны, свозившие в город раненых с фронта.

Подумала: «Куда теперь?» и двинула наугад вдоль одного из составов. Навстречу ей попался военный – невысокого роста, в званиях не понимала, но догадалась, что это офицер. Бросилась к нему,

– Дяденька, возьмите с собой!

– Так мы же на фронт едем.

– Знаю, что на фронт. Я ничего не боюсь, всё умею делать, только возьмите с собой!

– Хорошо, а паспорт или метрика у тебя есть?

Вместо ответа Зинка расплакалась, и офицер засомневался. На её счастье подошёл другой офицер, выслушал и сказал: «Ладно, война всё спишет. Поехали».

Казалось бы, удалось Зинке избежать тяжёлой участи, да как говорил покойный дед Пахом: «попала ты, девка, из кулька, да и в рогожку». Была она торфоармейцем, а стала прачкой, приставленной к котлам да корытам в банно-прачечном поезде.

Стирали вручную всё подряд – телогрейки, гимнастерки, а как бельё привезут, оно заношенное, завшивленное и большей частью окровавленное. Перво-наперво всё исподнее и обмундирование обязательно вымачивали в керосине, чтобы уничтожить паразитов всяких. Затем приходилось воды наносить да дров, чтобы котлы греть. В котлы вместо мыла золу клали, потому что мыло раз-два – и кончилось. После такой работы на руки взглянуть страшно: пальцы красные, распухшие, кожа на ладонях стёрта до крови.

Бельё сушить – снова незадача. Верёвки натянуть негде – хорошо, если кустарник поблизости есть, да погода неслякотная, а коль непогода – печки в банном вагоне натопят и там сушат. Ну, а если не ко времени санитарный поезд подойдёт, – всё бросай и «вперёд!», – раненых таскать, мёртвых хоронить, топливо для вагонных печек добывать, чтобы раненые не замёрзли, а стирку ведь никто не отменял.

Пораскинула Зинка умом и поняла – надо как-то выкарабкаться «из низинки на сухое место». Первым делом в комсомольскую ячейку записалась, так как давно заметила, что партийным и тем, кто около них крутятся, завсегда послабление дают. Комсомольская секретарша поезда Василиса Балакирева – окающая деваха откуда-то из Горьковской области, обрадовалась новому человеку. Ещё бы – все, как чёрт от ладана, избегают общественной работы, а тут человек сам желание изъявил вступать в ряды передовой молодёжи.

Выяснилось, что с комсомолом Козляк не прогадала – то на учёбу пошлют, то в комиссию по учёту запишут, а один раз даже на семинар по обмену опытом в политотдел армии на неделю угодила, то есть кое-какое послабление вышло, но не решало главной задачи – сбежать от котлов и корыт куда подальше.

Прачками командовал старшина Матвей Андреевич Иванча – крепкий приземистый мужик, из тех, про которых говорят: «неладно скроен, да крепко сшит». Уроженец подмосковного посёлка Кунцево, в армию он был призван ещё в 1938 году.

В первую неделю войны его полк попал в окружение под Белостоком. С боями удалось вырваться из вражеского кольца, а уж сколько народу при этом потеряли – никто не считал. На Восток продвигались ночью, а днём в лесах и на болотах хоронились, обходя деревни, кишасшие немцами да русскими полицаями за версту. Питались, в основном, ягодами и кореньями, запивая грибным бульоном без соли, держа хлебную корочку в мечтах. В конце концов, за Смоленском вышли к своим, но поскольку, выходя из окружения, знамя полка потеряли, то полк расформировали, а личный состав отправили в проверочный лагерь НКВД под Малоярославцем.

После месяца выматывающих допросов, Иванчу вызвали в штабную палатку, зачитали приказ о присвоении ему звания старшины и приказали отправляться для дальнейшего прохождения службы в 38-й БПДП, то есть банно-прачечный дезинфекционный поезд.

Когда товарищи по совместному пребыванию в лагере узнали про новое назначение Иванчи, то со всех сторон посыпались шутки, вроде «Ну ты теперь, Матвей, вроде Мойдодыра – умывальников начальник и мочалок командир». Иванча беззлобно отшучивался, про себя понимая, что такие поезда ближе, чем на 10 – 20 километров к линии фронта не подъедут, а что такое передовая, он уже испробовал на собственной шкуре.

Обычно, если не случалось чего-то непредвиденного, рабочий день в поезде начинался с утреннего развода – построения вверенного Иванче личного состава перед штабным вагоном, на котором ставилась задача на день, объявляли выговора провинившимся, раздавали наряды на кухню или уборку помещений, а иной раз зачитывали приказы. Всё это, по обыкновению, сопровождалось незатейливым матерком начальника, к которому подчинённые привыкли, как привыкают к шуму ветра или карканью ворон.

Слушая старшину, Зинка вдруг подумала, – а не этот ли круглолицый мужик в ладно сидящей, перепоясанной ремнями военной форме и начищенных до блеска сапогах является «спасительным берегом», к которому следует прибиться, тем более что ни о каких его «бабских романах» она и слыхом не слыхивала. И как только Иванча озвучил наряд на уборку вагона-бани, рядовая Козляк, продираясь сквозь товарищей, оказалась прямоком лицом к лицу с начальством.

– Значится так, рядовая Козлова, – старшина никак не мог запомнить фамилию Козляк, – прибыть в 21 час в банный вагон.

– Есть! – И она, лихо приложив руку к пилотке, повернулась кругом.

Напрашиваясь на наряд, Зинка прикинула, что нынче – пятница, а это день помывки личного состава. По установившемуся порядку, ближе к вечеру сначала мылся рядовой состав – женщины, а за ними мужчины, ну а после них банилось начальство: командир поезда – капитан Газетов, замполит – пожилой лейтенант Худобин и старшина Иванча. К слову сказать, начальник и замполит парную особенно не жаловали и, быстренько помывшись, не спеша шли в штабной вагон выпить законные «фронтовые» сто грамм.

Старшина, напротив, баню любил и парился основательно. Как и положено, через две недели после Троицы он сам резал и сушил берёзовые веники, собираясь в парную, старался прихватить с собой квас, клюквенный или брусничный морс, а ранней весной, если удастся

добыть – то и берёзовый сок. Попарившись, старшина, конечно же, не пренебрегал заветом великого русского полководца Суворова – «хоть штаны продай, но выпей после бани!», и отдавал себя этому занятию не без удовольствия.

Зинка появилась около вагона-бани в половине девятого вечера, осмотрелась и села чуть в сторонке на берёзовый чурбачок, удачно расположенный в тени кустов, освещённых яркой луной.

Вскоре из вагона на дощатый перрон спустились два человека и, негромко переговариваясь, направились к штабному вагону. Свет в окнах продолжал гореть, – значит, старшина ещё там, смекнула Зинка и, перекрестившись, двинула навстречу своей судьбе.

В предбаннике никого не было, и, судя по звуку льющейся из душа воды, Козляк поняла, что старшина домывается и с минуты на минуту выйдет. Она быстренько разделась догола, понюхала подмышки – не сильно ли пахнет потом – и натянула на себя заранее приготовленный белый халат, с умыслом застегнув его всего на две пуговицы. Затем подхватила стоящее в углу ведро для мытья пола и, широко распахнув дверь, зашла в помывочную.

Прямо перед ней, стряхивая с себя капли воды, стоял совершенно голый старшина, распаренное лицо которого было краснее обычного.

– А, Козлова, давай заходи, – ничуть не смущаясь, произнёс Иванча.

– Я воды набрать, полы помыть, товарищ старшина.

– Полы – это хорошо, давай проходи! – и старшина двинул мимо подчинённой в предбанник.

Зинка погромела ведром, сполоснула тряпку и следом за старшиной вошла в предбанник. Когда Матвей Андреевич, промокнув свежей простыней лицо, поднял глаза, то вздрогнул от неожиданности – прямо на него, ритмично шевеля ягодицами в такт рукам, моющим пол, двигался женский срам, слегка прикрытый подвёрнутым белым халатиком. Неизвестно, нашлась бы в природе такая сила, которая смогла бы оторвать взгляд двадцатипятилетнего мужика от столь соблазнительного зрелища.

Имея небольшой личный опыт общения, в основном, с деревенскими сверстниками, Зинка и представить себе не могла, на что способен зрелый мужской организм. Ей казалось, что она попала в какую-то мощную, ритмично двигающуюся машину, которая мяла, давила, прижимала её тело, впрочем, без угрозы здоровью. Внезапно мужчина застонал, крепко сжал сильными пальцами бёдра и мгновенно обмяк.

– Ну вот, ёптыть, теперь снова надо идти мыться, – произнёс старшина. Он стащил с Зинки халат и бросил его на какие-то лежащие на полу мешки.

– Иди, подмойся, да приходи – продолжи.

Заметив удивлённый взгляд подчинённой, он с усмешкой добавил:

– Чего смотришь – привыкай. Мы ведь с тобой, чай, не зайчики какие – сунул, вынул и бежать.

Через три месяца рядовой Козляк присвоили очередное воинское звание – ефрейтор, а спустя ещё полгода она заняла должность кастаньянши, вместо младшего сержанта Цветковой, которая по неосторожности «залетела» от уполномоченного особого отдела старшего лейтенанта Чапчавадзе, частенько наезжавшего с целью «проверки соблюдения режима секретности в особо важном объекте БПДП №38».

День Победы 9-го мая 1945 года команда поезда встретила неподалёку от немецкого города Дессау, в районе станции Каульсдорф. Дни стояли ясные, часто вместе с лепестками цветов ветер разносил по улицам деревень и городов белый пух, который, подобно снегу, устилал улицы и тротуары. То был пух из немецких перин, которые победители вспарывали ножами и выбрасывали из окон на улицу. Почти из каждого окна торчали белые флаги, тряпки, простыни, скатерти. Поражала ухоженность садиков, благоустроенность вилл и домов, чистота, порядок, но раздражали высокие заборы с проволочной сеткой наверху, оберегавшие частные владения. Непривычны были и отличные дороги, без ухабов, выбоин и грязи, обсаженные по обочинам яблонями и вишнями.

Как только по радио объявили о всеобщей капитуляции фашистской Германии, вокруг поднялась пальба. Тысячи ракет взвились в небо, били зенитки – всё небо в разрывах, канонада, как перед наступлением. Все военнослужащие были пьяны. Спиртное находили везде в изобилии, и пили, пили, пили. Группы солдат разбредались по окрестностям, шли за барахлом, шнапсом и в поисках «фрау».

В городе жизнь начинала восстанавливаться. Из развалин повылезли голодные и напуганные обыватели. Стали разбирать завалы на улицах. К банно-прачечному поезду подогнали полевую кухню, на которой раздавали похлёбку местным гражданам, в первую очередь, детишкам-заморышам. Желаящим разрешали помыться в бане и постираться, чем аккуратные немки не преминули воспользоваться.

На окраине города возникла огромная барахолка, на которой шла любая валюта и можно было купить всё – костюм, пистолет, еду, женщину, автомашину. Частенько можно было увидеть, как союзники прямо из джипа торговали часами, развесив их на растопыренных пальцах.

В сентябре месяце Зинаида («Зинка» уже давно осталась в прошлом) вдруг обнаружила, что она беременна. Матвей договорился с немецким доктором, чтобы тот за две банки тушёнки и блок американских сигарет осмотрел «фрау Козляк». Диагноз был однозначным – беременность 16-18 недель, то есть четыре полных месяца, а значит – надо возвращаться на Родину.

Все купе и подсобные помещения банно-прачечного поезда №38 были забиты трофейными вещами. В один из дней, после того как Матвей узнал, что Зинаиде предстоит отправка на Родину, он под вечер заглянул к ней на склад.

– Садись и слушай меня внимательно. Что ты собираешься со всем этим делать? – Иванча обвёл вокруг себя рукой. Кучи обуви, пальто и шубы, хрусталь, фарфор, патефоны, радиоприёмники громоздились на забитых до отказа полках.

– Как ты всё это домой повезёшь? На себе, что ли?

– Ну не выкидывать же такие вещи.. В крайнем случае, ты демобилизуешься и как-нибудь сумеешь привезти.

– Вот именно, ёптыть, как-нибудь.

– Мотик, не ругайся, лучше скажи, что делать нужно.

– Сделаем так, – и Матвей подробно изложил Зинаиде, что им обоим надо сделать до её отъезда.

Ещё в январе 1945 года Зинаида получила письмо из дому, в котором сообщалось: «...Ваша мать – Козляк Матрёна Никаноровна скончалась от болезни сердца. Ваш брат Иван в настоящее время сидит в тюрьме, вот только где, – сие нам неизвестно. Желаем Вам всяческого здоровья и скорее разгромить фашистов, по поручению односельчан деревни Козляки – почтальёнша Маруся Семёнова», а ниже приписка – «В Вашем доме сейчас поселилась семья Буренковых – тётя Тоня, бабушка Паша и ещё пять человек, так как ихняя изба сгорела по недосмотру».

Принимая в расчёт изложенные в письме обстоятельства, было решено, что Зинаиде следует ехать к родным Матвея в подмосковное Кунцево, но прежде, с учётом строгого характера его родителей, старшина Иванча и сержант Козляк отправились в советскую комендатуру города Дессау, где и зарегистрировали свой брак.

В октябре 1945 года Матвей посадил Зинаиду в поезд, направлявшийся в Москву. Вагоны были немецкие, без проводников, купе на шесть человек с сидячими местами, узенькие багажные полки, неширокий коридор – всё это превратило посадку в настоящий ад. Пассажиры и провожающие с трудом волокли чемоданы и узлы, запихивая их в купе, наминавшие заваленные камнями пещеры.

Некоторые женщины рыдали в голос, оставляя на перроне не помещавшийся в вагоны багаж.

Поезд тронулся и, как по команде, началась попойка. Зинаида забилась в угол и старалась не высовываться. Подъехали к Минску, вернее, к тому месту, где когда-то был город Минск – кругом развалины, вокзал полностью разрушен, но на платформе играет оркестр. Тут же рядом импровизированный базарчик, где бойко идёт обмен всякой всячины на солдатские продукты, в основном американскую тушёнку, впрок закупают спиртное.

В Москве, на Белорусский вокзал поезд прибыл к пустому оцепленному перрону. Вскоре по вагонам пошли офицеры комендатуры и начался таможенный досмотр. Искали оружие и фашистскую литературу, изымали серебряную посуду, картины, гобелены, коллекционные фарфор и хрусталь. Одна женщина с лейтенантскими погонами, ещё до конца не протрезвевшая, подняла крик:

– По какому праву? Мы на фронте кровь проливали, а вы, суки, в тылу отсиживались... твою мать!

Быстренько составили протокол, двое свидетелей безропотно расписались, и возмутительницу спокойствия увёл патруль, а её оставшиеся вещи распределили между собой попутчики.

Зинаиду попросили развязать вещмешок, но, увидев куски мыла, нехитрое бельишко, да фотоаппарат «лейка», махнули рукой и пошли дальше, даже не открыв облезлый чемоданчик. К вечеру, так толком и не посмотрев Москву, она на поезде, вроде того, что ходил от торфоразработок до Шатуры, приехала на станцию Кунцево и оттуда пешком добралась до улицы Красных Зорь, на которой в частном доме проживали родные Матвея.

Ефросинья Сидоровна и Андрей Николаевич Иванчи происходили родом из мещанского сословия города Вязники Владимирской губернии. Отец Ефросиньи – Сидор Яковлевич Туранов держал мастерскую по выработке льняной пряжи и пеньковых канатов, которая работала с немалой выгодой, пока однажды ночью не случился пожар – скорее всего постарались конкуренты. Мало того, что огонь в одночасье уничтожил и дом, и склад, и мастерскую, так ещё пострадала семья Турановых: глава семейства и шестилетняя дочь Ефросинья получили ожоги, а младший сын Иван задохнулся от дыма. Спустя месяц, скончалась жена Сидора и мать его детей – Елизавета, которая так и не оправилась от отравления дымом.

На оставшиеся сбережения Сидор Туранов купил домишко в Клязьминской слободе и устроился механиком по наладке ткацких станков на прядильную фабрику Елизаровых. Вскоре после этого он

привёл в дом махеху – спокойную работающую женщину, у которой своих детей не было.

Травма повлияла на душевное состояние Ефросиньи – ей казалось, что все только и смотрят на обожжённое левое ухо и небольшой шрам на щеке, которые она тщательно прикрывала прядью волос. Кроме этого, ожоги сохранились на наружной стороне бедра, поэтому девочка избегала купаться в компании сверстников.

Ефросинья росла замкнутым, необщительным ребёнком и даже с домашними держала себя насторожённо. Она часто ходила в церковь, стараясь не пропускать службы, и подолгу беседовала со стареньким священником отцом Серафимом.

Ефросинья повзрослела, о замужестве не помышляла, и все разговоры на эту тему отметала напрочь. Как-то на Пасху отец пригласил в дом своего ученика Андрея Иванчу – высокого, стройного юношу с лицом инока, каких обычно рисуют на картинах религиозного содержания. Он очень понравился Ефросинье, но она не позволяла себе даже думать на эту тему. Тем не менее, когда Андрей пригласил её на выступление заезжего цирка-шапито, она, посомневавшись, согласилась. Через год, на Красную горку (первое воскресенье после Пасхи) они обвенчались, и молодые переехали жить в дом Турановых.

Ефросинья рачительно вела хозяйство, лишнего не тратила, откладывала каждую свободную копейку, и, спустя некоторое время, ей удалось собрать небольшой капитал.

Жили Ефросинья и Андрей в согласии, вот только с детьми вышла заминка. Ежедневные молитвы о зачатии перед иконой «Нечаянная радость», поездка на богомолье в Оптину Введенскую пустынь желаемого результата не приносили.

Внезапно умер Сидор Яковлевич Туранов, и, посоветовавшись, семья Иванчей решила перебраться в Кунцево, куда Андрея неоднократно приглашал родной брат Семён, работавший на недавно открывшейся Кунцевской игольной фабрике выпускавшей технические иглы, крючки и прочий вязальный инструмент. На скопленные деньги Андрей и Ефросинья приобрели неподалёку от железнодорожной станции аккуратный домик с ухоженным садом и небольшим огородом, обзавелись, по примеру многих, нехитрой живностью, вроде кур и кроликов.

Грянула Первая мировая война, а следом за ней революция, и жизнь круто поменялась. Стали исчезать продукты, начались перебои с хлебом, зарплату почти не платили, так как текстильная промышленность пришла в упадок и надобность в продукции фабрики отпал. В посёлке стало беспокойно – грабили прохожих, по ночам раздавались выстрелы, вместо городских появились какие-то сомнительные личности с красными повязками на руках.

Однажды тёмным ноябрьским вечером в дверь дома сильно постучали. Андрей выглянул в окно и увидел, что калитка настежь открыта, но во дворе никого нет. Выйдя на крыльцо, он чуть не споткнулся – на крыльце лежал какой-то пищащий свёрток. Когда его занесли в дом и развернули, то там оказался младенец мужского пола, на вид месяца три-четыре. Среди испачканных тряпок затерялся обрывок какого-то революционного плаката, на котором печатными буквами было написано: «ЕГО ЗВАТЬ МОТЯ». В суматохе революционных дней соседи быстро привыкли, что у Иванчей появился ребёнок и лишних вопросов не задавали. Родители окрестили Матвея в храме Спаса Нерукотворного Образа на Сетуни и выправили ему метрику в отделе ЗАГСа, в которой было записано: «Иванча Матвей Андреевич» и дата рождения – «7 ноября 1918 года», и по всему выходило, что мальчик родился как раз в революционный праздник.

Матвей рос крепким, плотно сбитым мальчишкой, с толстыми щеками, за что получил кличку «Хомяк». Несмотря на небольшой рост, он мог постоять за себя, и не раз на него жаловались мамыши детей, которым «этот хулиган расквасил нос». Внешне в семье ни на кого не похожий, Матвей, тем не менее, перенял от отца смекалку и умелые руки, а от матери – упорство и, как бы это поаккуратней выразиться – некоторую скупость. Так, например, он попросил отца сделать ему копилку, завёл большую коробку, куда складывал неизвестно откуда добытые оловянные солдатки, стеклянные шарики, железные пёрышки и прочую мальчишескую мелочь, из-за чего Ефросинья даже прозвала его «скопидомок».

Учиться Матвей не любил, в школу ходил неохотно, и, с грехом пополам окончив семилетку, устроился к отцу на фабрику учеником наладчика станков. Он на удивление быстро выучился на разряд и стал прилично зарабатывать, отдавая матери половину зарплаты. В 10 лет он начал курить, в 12 – выпивать, а в 14 – встречаться с девушками намного старше его. Одним словом, когда подошло время призыва в армию, Матвей был уже вполне сложившимся человеком.

Зинаиду родители мужа встретили насторожённо, что было неудивительно – ведь неизвестно с каким человеком придётся жить, но после того, как Зинаида вручила подарки, Ефросинья немного оттаяла. Туфли из натуральной кожи, шерстяная юбка, шёлковая блузка для матери и пальто для отца – всё выбирал Матвей – пришлись как раз впору.

Утром, когда свёкор ушёл на работу, Зинаида зазвала свекровь к себе в комнату и усадила за стол, на котором в развёрнутом полотенце лежал привезённый из Германии кусок мыла. Ефросинья с недоумением посмотрела на Зинаиду, но та, ни слова не говоря, острым ножом

аккуратно расколола мыло на кусочки, среди которых что-то заблестело.

– Матвей велел, чтобы я отдала Вам это лично в руки, – и вытащила из обломков мыла три золотых кольца с блестящими камнями и пару золотых монет.

– А он не сказал, что с этим делать?

– Через два дома от вас живёт старик Фишман. Надо к нему обратиться, и он даст настоящую цену, – только нести не всё сразу, а постепенно. Кроме этого есть ещё кое-что.

Невестка раскрыла лежащий на стуле облезлый чемодан, на дне которого под бархатной скатертью лежали переложённые бумажками стеклянные пузырьёчки, на которых крупными буквами было написано PENICILLIN, и пачки перетянутых резинками упаковок с таблетками.

– Это американское лекарство – пенициллин и таблетки стрептомицина. Десятую часть этого следует оставить себе – мало ли что может случиться, – а остальное продать. Вот тут адрес, – и Зинаида протянула Ефросинье бумажку.

– Ну, вы, слава Богу, зря время не теряли, а то я всё боялась – неужели Матвей несмышлёную дурочку в дом приведёт, – Ефросинья перекрестилась и, впервые с момента встречи, обняла невестку.

Когда Ефросинья вышла, Зинаида засунула вещмешок с остальными кусками мыла в глубину шкафа и подумала про себя: «Уж скорей бы Мотя приезжал».

В один из дней января 1946 года у ворот дома прогудел автомобиль. Зинаида накинула плюшевый жакет – пальто и шуба были ей уже малы – слегка переваливаясь, наподобие как ходят утки, вышла на улицу и обмерла – перед ней стоял Матвей,

– Ну, ты, Зинка, прямо, как купчиха, тебя и не узнать, – и он, смеясь, осторожно обнял жену. Тут же из дома выскочила Ефросинья и со слезами бросилась к сыну.

Матвей рассказал, что перед Новым годом вышел приказ о демобилизации. Поскольку банно-прачечный поезд своим ходом двигался куда-то на Восток, Иванча доехал до Можайска, где однополчане помогли ему выгрузить вещи, нанял грузовик-полуполторку и добрался до Москвы.

Матвей с помощью шофёра затащил в дом два неподъёмных чемодана, ножную швейную машину Зингер и свёрнутый в рулон ковёр. Вечером пришёл с работы Андрей Николаевич, накрыли стол, пригласили соседей по улице и отпраздновали возвращение Матвея с войны.

По прошествии недели коммунист Иванча отправился в Кунцевский горком партии, чтобы встать на учёт. Ознакомившись с его документами, первый секретарь Ермолин – тощий, чахоточного вида мужчина в кителе-«сталинке» защитного цвета, и секретарь по идеологии Дербеченко – дородная женщина с толстой косой вокруг головы, в двубортном бостоновом пиджаке, на лацкане которого размещалась медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «наесли» на Матвея, требуя, чтобы тот шёл служить в милицию участковым оперуполномоченным. Поначалу Матвей «открещивался», но когда ему стали грозить всяческими карами, вплоть до исключения из партии, он достал из кармана гимнастёрки «неубиенный козырь» – справку «О наличии у Иванчи Матвея Андреевича, 1918 года рождения, ишемической болезни сердца», подписанную Главным терапевтом 2-го Белорусского фронта генералом Зайончковским. В рекомендательной части был указан дальнейший род деятельности, «не связанный с физическими и эмоциональными нагрузками». Заполучить справку, за которую медицинскому генералу поднесли серебряный кофейный сервиз XVIII века, Матвею посоветовал хороший деловой знакомый – военный коменданта города Дессау полковник Синюгин.

Партийный кабинет Матвей покинул, будучи назначенным директором Кунцевских бань, размещавшихся на улице названной в честь бывшего каторжника и по совместительству российского рабочего-революционера – Петра Алексея. С учётом того, что баня в посёлке была одна, то должность Иванчи – как-никак номенклатура райкома партии – была вполне подходящей. Вопрос топлива в любые времена, а уж тем более в послевоенное, всегда был одним из наиважнейших, и подбросить кому надо, так сказать, «по дружбе», полмашины угля директору бани ничего не стоило.

В начале марта 1946 года в семье Иванчей появился мальчик, которого назвали Николаем – в честь прадедушки. Младенец был светловолосый, как мать, вот только пухлыми щёчками и разрезом глаз пошёл в отца. Ефросинья сговорилась с Зинаидой, и они потихоньку от Матвея окрестили Николая.

Дьячок храма Спаса Нерукотворного образа на Сетуни Иван Ремизов, оформляя запись о крещении в Метрическую книгу, заметил старенькому священнику отцу Никодиму:

– Я слышал, что ежели мальчишек рождается больше, чем девчонок, то это к войне. Вот у нас в прошлом месяце записано одиннадцать младенцев мужского пола, против пяти женского пола.

– Типун тебе на язык, Иван. Какая война? От прошедшей-то войны ещё лет пятьдесят не оправимся. Иди-ка лучше чай собери, попьём перед вечерней службой.

Отец Никодим привычно перекрестился на икону.

Затем он попил чай и пошёл к себе на квартиру переодеваться.

Скупое мартовское солнце медленно садилось за Троекуровский лес.